

18+

**Татьяна
Рубцова**

**Чёрные
апостолы**

Татьяна Рубцова
Чёрные апостолы

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Рубцова Т. А.

Чёрные апостолы / Т. А. Рубцова — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Главный герой встретил своего армейского друга, у которого пропала сестра. Подключившись к поискам, он попал в коммуну, организованную врачом-наркологом, для бывших алкоголиков. И проснувшись однажды ночью, он увидел безобидных коммунаров в черной униформе, и много-много денег в банковских мешках...

Татьяна Рубцова Чёрные апостолы

Началось всё с того, что я встретил Сашку Головина, бывшего армейского сержанта и самого коварного деда, служившего в российских вооружённых силах. Издевался он когда-то над первогодками с подлинным артистизмом, а меня довел до того чувства, когда и баран становится тигром. Забыв, где нахожусь, я в прямом смысле размазал его по асфальту посреди плаца на глазах всего взвода, и ребята стояли кругом и молча глазели, но никто не вмешался: ни дед, ни сынок, никто, пока не подошёл прапор и не посадил на губу обоих. С меня прямо-таки валил пар, как с загнанной лошади, а Сашка обливался кровью. Я ждал мести, достал маленький ножик и держал всегда в кармане, но меня больше не трогали.

Головин тянул сверхсрочную, и мы уходили на дембель вместе. Конечно, нельзя было сказать, что стали лучшими друзьями, но я прогостил у него целую неделю, пока не отправился восвояси, оставив в его городе добрую половину увольнительных денег и пополнив дембельский альбом несколькими фотографиями, сделанными на его «Кодак». Потом я не раз встречался с ним. Головин после армии быстро встал на ноги, завел себе «Рафик» и пару ларьков, ходил в коже и замше и считал себя новым русским. Со мной он не зазнавался, хоть я так и не выбился в люди из дальнбойщиков.

А вскоре и ездить перестал. Мать устроила меня в свое ЖЭУ слесарем. Тут я и встретил Головина, увидев знакомый «Рафик» у бара «Мелочи».

– Что за крупная рыба в нашей заводи? – поздоровавшись с ним за руку, спросил я.

Но лицо у Сашки не располагало к шуткам. Он даже не заметил грязный бушлат и разводной ключ, торчащий из моей сумки через плечо.

– Светка пропала. Светка Головина, сестра Саши, была младше его на десять лет, и парень баловал девчонку, как родную дочь, тем более, что сам еще женат не был. Все, что с ней случилось, принимал близко к сердцу.

– Поцапалась с родителями и сбежала из города, – говорил Сашка, глядя в одну точку. – Вот и езжу по округе, показываю фотографию.

Он протянул карточку и мне.

Светку я видел года три назад, и она конечно выросла с тех пор, но я узнал её сразу. Яркое лицо, за которым она начала следить, я думаю, лет с 11, фотогеничная. Да Сашка вообще был мастер снимать, а любимую сестру он снимал с особым вдохновением. Но даже и без этого Светка была девчонкой, с которой можно было бы подружиться, если бы не брат и разница в возрасте: ей всего только 17, а мне – 25.

– Уже больше месяца, как пропала, – продолжал Головин, и голос его задрожал. – Меня в городе не было. Как вернулся – дела к чёрту, на всё насрать, только бы её найти.

– Могу чем-нибудь помочь?

– Покажи ваши притоны.

– Чего?

– Ну...эти...

– А. Ладно, – я-то сразу понял, но он всегда был немного с гонором, из тех, кто о себе слишком высокого мнения, вот и захотелось поиздеваться, да не получилось. – Пошли, – сказал я. – Тут всё узнал?

– Да, пошли.

И мы с ним на его микроавтобусе исколесили весь город, но безрезультатно. Похоже, девочка к нам не забредала. На Сашку было страшно смотреть. Из каждого бара или кафе он выходил постаревшим на пару лет.

Уже стемнело. С его телефона я позвонил домой, чтобы предупредить мать, но трубку никто не взял, а больше я не пытался дозвониться. Мы с Сашкой и так измотались, обходя дворы, вокзалы, гостиницы и рестораны. Даже объездили все заправочные в городе и расспрашивали ребят-дальнобойщиков. У Светки было красивое и запоминающееся лицо. Если бы кто-нибудь из них увидел её хоть мельком, он бы не забыл. Но девушку никто не видел.

– Что делать... что делать, – бормотал, словно во сне Сашка. – Ну почему они сразу меня не вызвали. От этих ментов никакого толку.

– Идём, переночуй у меня, – старался я, как мог, поддержать его. – А завтра придумаем что-нибудь.

– Я поеду. Ты же знаешь: и так много времени упущено. Догнать бы теперь... можно сказать, мне теперь конкретно счетчик включили... Ты же понимаешь, да?

– Конечно, – я понимал и хотел ему помочь, но чем, я и сам не знал.

– Спасибо, что был рядом, – прощаясь, протянул руку Сашка, – Тебе утром на работу идти.

– Что же, я другу не могу помочь? – ответил я искренне.

– Нет, нет. Ты иди. А может, подвезти?

– Да мне рядом. Может, позвоню, хоть узнаю, как твои дела.

– Только звони на мобилу, не надо родителей травмировать, они и так на взводе. Пока.

– Пока. Удачи тебе.

– Спасибо.

И я пошел домой. На самом деле идти было не так уж близко, но и не так далеко. Я привык к пешей ходьбе. Ходить ночью по безлюдным улицам не боялся, да и разводной ключ был под рукой на случай, если наскочит какой-нибудь гопник. Так я топал и топал, пока не оказался у родной калитки. Та, естественно, была уже заперта, но это и в сопливую пору детства не смущало меня. Подтянувшись на заборе, я легко перескочил его, приземлившись на скрытые тьмой заросли лебеды, затянувшие наш двор. Входная дверь была закрыта, и я огляделся. Замок этот, старый престарый, я научился отпирать без ключа еще в подростковом возрасте. Достав из кармана гвоздь, просунул в замочную скважину. Я так старательно ковырял в замке, что и не заметил, что его открыли изнутри. Не успел удивиться, как дверь резко распахнулась, и мать, стремительно перешагнув порог, с силой толкнула меня в грудь. От неожиданности я чуть было не упал и, взмахнув руками, попятился.

– Приперся! Опять ночью приперся! А я тут с ума схожу, гадаю, что с ним!

Она шагнула вперед, протягивая руки, чтобы снова толкнуть меня. Я быстро отступил, оступился на приступке и слетел с нашего невысокого крыльца прямо на землю. Я, конечно, не упал, но еле удержался на ногах и отчаянно закричал:

– Ты что, мам! Ты что! Что я сделал?!

– Полночи гулял, работу прогулял, домой пьяным явился!

– Да ты что!

От меня, конечно же, пахло, с Сашкой пропустили грамм по сто у стойки, но я же сильно и не напивался никогда!

– Мать!

– Заткнись! Большой стал, самостоятельный! Так и живи сам. Уходи, уходи из дома и живи, где хочешь, чтобы только мне не видеть тебя. Мать! Умный слишком стал. Работать не хочешь, пьёшь, как сапожник... Сил больше моих нет. А раз справиться с тобой не могу, уходи. Всё, больше нет у тебя ни дома, ни матери, живи сам, один, как хочешь. Нет у меня больше сына.

– Мам!

Но она не слушала. Повернувшись спиной, она вошла в дом и хлопнула дверью.

Я остался во дворе один. Умом понимал, что всё это не серьёзно: документы и одежда остались у неё, но больно уж обидно стало. И ведь считай – ни за что. Не пил же в самом деле и не с девками в баре торчал. Хотелось и вправду плюнуть на все и умотать с глаз долой. Уж лучше бы поехал с Головиным, хоть бы человеку помог. Он, конечно же того, с замахом, но все же служили вместе. Да и сестренка его мне нравилась, жаль было бы, если бы такая девчонка пропала запросто так.

Я отпер калитку, да так и оставил открытой; без цели вышел на дорогу, в которую упиралась наша улочка, а та в свою очередь, вливалась в большое шоссе за городом. Там, хоть и редко, а проезжали машины: и местные, и иногородние.

А что, если и правда уехать. Я поднял руку. Конечно, никто и не думал останавливаться. Я пошел дальше, и мне было все равно, куда. Сзади опять послышался шум мотора. Я сам по военной специальности водитель и люблю это дело, поэтому уже давно научился по шуму различать любой автомобиль. Я точно знал, что меня догоняет «Копейка».

Я поднял руку и обернулся. Машина мчалась навстречу, слепя глаза зажжёнными фарами. Я едва различил, шурясь, что водитель был один, без пассажиров. Он уже проехал мимо, не сбавляя скорость, и я очень удивился, когда «копейка» резко затормозила и остановилась у обочины метрах в ста впереди. Я даже и не думал, что это ради меня и не прибавил ходу. Водитель нетерпеливо надавил на клаксон, и я бегом бросился к нему.

– Тормозишь, а сам спишь на ходу, – ворчал он, высовываясь из дверцы. – Садись.

– У меня нет денег.

– Тормозишь, а денег нет. Садись.

Это было не последовательно, но я все равно обежал машину, открыл противоположную дверцу и поспешно уселся рядом с водителем.

– Что, нашли девушку? – спросил тот, включая сцепление и берясь обеими руками за руль.

Я взглянул на него. В полумраке салона, освещенного лишь слабой лампочкой с низкого потолка, лицо виделось не ясно. Только за этот день мимо меня прошло столько лиц. Но он меня запомнил и на том спасибо, а то бы топать мне сейчас пешком: ни один водитель в наше время не остановится ночью на скоростном шоссе, чтобы подобрать незнакомого человека, ни один.

– Девушку, я спрашиваю, нашли? – нетерпеливо и раздраженно повторил водитель.

– А? Нет, не нашли.

– А этот, второй, брат ее, он где?

– Он на машине, уехал.

– А ты что же?

– Да понимаешь, я домой вернулся, да подумал, надо помочь человеку.

– Друг что ли?

– В армии вместе служили

– А. Тогда – да, – водитель опять зевнул. – Тебе куда?

– Куда довезешь.

– Довезу куда-нибудь, – в голосе водителя послышалась ухмылка.

Он замолчал и я – тоже. Нелегко вести машину ночью. Глаза от напряжения начинает резать, ресницы слипаются, и ужасно тянет в сон. Парень за рулем стал трясти головой, тереть лицо ладонью.

– Скоро светать будет. – с надеждой повторял он.

– Хочешь, я поведу машину. А ты подремлешь, – спросил я.

Хотя какой дурак согласился бы на это. Он и не согласился.

– Ничего все нормально. Только по мобильнику не разговаривать... А знаешь, в километре отсюда банда шалопаев чуть не напала на меня. Вон видишь, по прямой, дальше, дорога

сворачивает. Они там поджидали, когда сюда ехал. Видно на наркоте денег не хватало, вот и вышли подработать. Один из них, значит, на дороге лежал, а второй вокруг бегал, другу типа плохо. Видишь, что придумали. Черт!!! – он сбросил скорость.

За поворотом стояли пятеро парней, почти мальчишек, взявшись за руки, как в старой детской игре «Пионеры, пионеры».

Водитель схватился за клаксон. Парни еще не попали в свет фар и видны были лишь их смутные силуэты.

– Это те же! Мать иху! Задавлю!!

Он переключил фары, и линия света наехала на ребят. Мы увидели серые сосредоточенные лица и глубоко ушедшие глаза, глядящие в одну точку – на нас.

– Мать вашу! Взять вас за ногу!

Водитель надавил на тормоза. Машина была старая, тормоза заскрипели, и тут же парни бросились к нам.

Водитель ждал этого и, выхватив монтировку из-под сидения, открыл дверцу. Он едва успел выскочить, рассчитывая раскидать их. Но он не видел того, что видел я: из придорожной канавы, из пшеницы, росшей в поле, позади нее, выскакивали еще и еще парни, мальчишки, и бежали к нам.

– Шеф! – закричал я, тоже выскакивая и вытаскивая из-за ремня свой разводной ключ. – Тут их с роту, назад!

Но было уже поздно. Парень схватился с теми, что бросились на нас первыми и с налёта даже раскидал их. Тут на него набросились сзади, и мне стало не до него – сразу трое наскочили на меня, и первый из них получил между глаз тяжелым разводным ключом.

Большая суковатая палка обрушилась на правое плечо, раздирая щеку. Я выронил оружие, но тут же перехватил палку, попятился. И совсем забыл про подлый прием, который любит такая мелкомасштабная братва – один из них уже присел сзади у ног. Вырывая палку, я подался назад и упал, перелетев через него. На меня набросились. Тяжелый ботинок заехал мне под ребра, я скорчился, и кроссовка с размаху врезалась в живот. Я задохнулся, все поплыло перед глазами, и в темноте засверкало множество огней.

Меня продолжали бить – это привело меня в чувство. И понял тогда: если сейчас не смогу вырваться, все, крышка, тупо забьют до смерти. Просто медленно буду подыхать у ног этой падали, а они будут смеяться и плевать мне в лицо.

Лежа на асфальте, я первым услышал шум подъезжающей грузовой машины – скорее всего КАМАЗа. Я сжался. Звук приближался. Парни тоже замерли, давая мне передышку. Я ждал, открыв глаза и замерев. Стало светлее от приближающихся фар.

Парни не двигались. И тут я вскочил, сшиб одного из этих недомерков, другого и бросился навстречу машине. КАМАЗ мчался на полной скорости.

– Стой! – замахал я руками. – Остановись!

Кабина КАМАЗа была темной, и я не видел, есть ли там кто еще кроме шофера. Что к этому времени стало с водителем «копейки», я не знал, скорее всего, он был уже мертв или умирал рядом на асфальте.

– Стой! – кричал я водителю КАМАЗа, но тот неумолимо проносился мимо, даже не сбавляя скорость. – Стой! – кричал я ему вслед.

Этот мужик-дальнобойщик за рулем гиганта, видно, очень спешил. А что стоило ему остановиться тогда.

Тут сзади раздался хлопок. И левое предплечье обожгло, словно огнем. Словно раскаленным прутком пронзало руку. Я не служил в горячей точке, хотя меня и приглашали на контракт, я даже не понял, что в меня стреляют, что я ранен и как дурак, помчался через дорогу. Возможно, это был болевой шок, я мчался, как ошпаренный, а сзади раздался ещё один хлопок. Я бежал по прямой, даже и не думая, как легко в меня попасть. Спрыгнув с насыпи на

обочину, я бросился в высокую пшеницу. Поля тянулись по обеим сторонам дороги и колосья уже поспели: длинные цепкие усики жгли меня, и я на бегу отводил их руками.

Сзади продолжали раздаваться хлопки и в горячке я не обращал на них внимания, пока в голову мою не ударила кровь, и пшеничное поле не вздыбилось из-под ног.

Наверное, я потерял сознание, потому что полная чернота окружила меня, но скоро почувствовал холод, идущий снизу. Щека, грудь, живот – все заледенело. И тут понял, что лежу ничком на сырой земле. Я приподнялся. В голове пульсировала кровь, и жар жег плечо и руку. Но я был жив. Я сел на корточки, стараясь выглянуть. Пшеница полностью закрывала своими колосьями дорогу. Я даже не знал, где она.

Колосья слегка покачивались, создавая особый звук, когда касались друг друга. Этот звук усиливался, становился гулом в висках, тело налилось свинцом, и я сидел, опираясь о землю обеими руками. Ночной ветер освежал горящую, как в огне голову, черноту ночи освещали придорожные фонари, небо было звездным, значит ясным. Я повернулся. Боль в спине сразу же обожгла мозг. И тут я увидел парней. Они стояли далеко, у придорожного столба и закуривали: мерцал и гас, и снова загорался трепещущий огонек.

Господи, они же искали меня. О судьбе водителя «копейки» я даже не думал. Я затаился, почти не дышал. Я уже умер, превратился в бездыханный труп, окаменел и оледенел, сидя в пшенице.

Парни топтались под фонарем и о чем-то разговаривали. В руках у одного из них была зажигалка. В кругу света виден был слабый огонек, вспыхнувший там. Парень размахнулся и швырнул зажигалку в спелую пшеницу. Второй помахал рукой, глядя вдоль дороги. Я быстро глянул туда же. В полной темноте над рожью взлетел крохотный огонек и скрылся, упал среди спелых колосьев.

Боже. Я посмотрел туда, куда упала первая зажигалка. Беловатый дым поднимался там к черному небу, все выше и гуще – и разом вспыхнуло пламя, облепив меня ярким огнем.

Один из парней поднял руку. Блеснула никелированная сталь и я увидел дуло, наведенное прямо на меня.

Треск раздался с другой стороны: там тоже разгорался огонь, дым обволакивал поле и ветер гнал огонь все дальше, раздувая. И вся эта жаровня предназначалась одному единственному поросенку – мне. Господи! Я, наверное, потерял остаток здравого смысла и рванулся. Я думал, что уже не смогу подняться, но я вскочил на ноги и бросился прочь, прыгая по слипшимся земляным комьям. Ватник намок от крови, отяжелел и охлаждал спину. Я бежал, и конца-края не было проклятому полю.

Дружный вопль раздался сзади, и я снова услышал звуки выстрелов. Раскалённый прут снова пронзил меня, теперь ногу, когда дым уже обволакивал все вокруг. Я упал, но горячка гнала вперед, и я пополз, ломая стебли и обдирая лицо и руки об острую солому. За спиной трещал огонь и что бы там ни случилось с водителем «копейки», мне следовало позавидовать его судьбе. Я задыхался от дыма, в глазах темнело, слезы слепили меня и сил уже не было, но я знал: стоит мне остановиться, и я погиб, а заживо гореть мне не хотелось. Сердце мое то билось с такой силой, что, казалось, готово было выпрыгнуть из груди, то останавливалось, дурнота подкатывала к горлу, и я готов был потерять сознание. И все же я продолжал ползти. Жар догонял меня. Огонь трещал совсем рядом, горело все поле.

Искры, раздуваемые ветром, носились в воздухе, колосья вспыхивали, как порох и, почернев, падали на горящую солому. Уже тлели мои брюки, и загорался ватник. Я этого не видел, но знал, что это так, вата ведь горит не хуже спелой пшенице.

Горящие колосья с шипением падали мне на голову, на руки, огонь вспыхнул перед моим лицом, и я заорал. Из последних сил я рванулся, вскочил на ноги, и выскочил из полосы огня, обжигая лицо и руки. Спина была объята огнем, обожжённая шея ничего не чувствовала, горели волосы, но встречный ветер отдувал пламя назад. И, подчиняясь остаткам здравого

смысла, я упал ничком на проселочную дорогу, схватился руками за голову, сбивая огонь, и покатился под колеса встречной «Газели».

И тогда все поплыло перед глазами, и наступил полный покой, где нет ни жизни, ни смерти.

Долго ли длилось это состояние, не знаю, но грубые руки вырвали из состояния небытия, затрясли, и я почувствовал боль. Сначала боль ворвалась в сознание как бы извне, и только потом появилось тело, как сгусток сильнейшей боли, которая терзала, рвала на части. Я закричал и с трудом разлепил веки. Где я находился? Лица, серые во мраке, склонились, и я жадно вглядывался им в глаза.

– Кто вы? Что с вами случилось? Вы можете говорить? – повторяли бесцветные губы.

– Там в меня стреляли. Парень в «копейке». Может, жив, найдите. Их много, они стреляют, – казалось, что я говорил связно, но они не понимали, это было видно по их глазам.

– Успокойтесь, все будет хорошо.

Но я не верил им. Я рвался бежать. Я кричал. Я думал, что смогу убежать от боли. Все, кто держал меня, были моими врагами. Я звал Сашку, был уверен, что он ехал со мной в той «копейке». Боль приняла конкретный образ, и я бился с ней. Снова пламя охватило меня, и я потерял сознание. Но это уже не было то блаженное состояние покоя, нет. Мне смачивали губы чем-то холодным, слабо попадающим в рот, я горел, задыхался в огне, за мной гнались все исчадия ада, все кошмары современной компьютерной графики, и я дико кричал. Дышал, как загнанный, и бред был явью.

– Мама! – кричал я и, как в детстве, чувствовал ее рядом; доброта и ласка удерживали от безумия.

И я видел ее, молодую и красивую, какой бывает только ласковая мать в глазах сына. И я, взрослый мужик, скулил и плакал, зовя ее:

– Мама! Мама!

Когда я открывал глаза – видел ее сострадание, когда закрывал их, чувствовал его.

– Мама, – это слово облегчало мой кошмар. Я больше не горел, не бежал, не рвался. Но я еще жил в мире бреда. – Мама.

Она склонилась ко мне.

– Вам лучше, правда?

Она и вправду очень походила на мать, не такую, какой она стала сейчас, а ту, которую я уже не помню, но чей облик сохранило подсознание: нежную, юную и милую.

Я облизнул губы, сухие и шершавые.

– Пейте. Только совсем немножко. Два глотка, не больше.

Мне поднесли кружку, полную воды: сладкой, кислой, освежающей.

– Вкусно.

– Что? – не поняла она, склоняясь надо мной.

Я вздохнул и закрыл глаза.

Я, наверное, заснул, потому что покой и тьма окружили сознание. Долго ли это длилось, не знаю, но когда открыл глаза, то увидел человека, стоявшего рядом и внимательно разглядывающего меня. Я лежал и видел его словно в дыму и только глаза удивили меня необычным серым цветом, похожим на цвет тающей льдинки. Глаза эти казались почти бесцветными на смуглом лице. Было ли оно на самом деле таким смуглым, не знаю, не задумывался, но тогда оно показалось почти черным.

– Не беспокойте его, Андрей, – просительно проговорил тихий женский голос, показавшийся почти родным.

– Ерунда, он открыл глаза, – ответил мужчина, не поворачиваясь, низким грудным голосом.

– Правда? – в голосе женщины слышалась радость.

Совсем юное женское лицо склонилось надо мной. Я его сразу узнал, хотя и не помнил, откуда, но только был уверен, что знал его всю жизнь. Девушка улыбалась, показывая две ямочки на щеках.

– Здравствуйте. Добрый день. Сейчас сделаю вам укол.

– Подожди, – мужчина провел рукой по краю постели и сел, закидывая ногу на ногу.

– Только не волнуйте его, пожалуйста.

– Заметано, сестра милосердия, не беспокойся.

– Я на фельдшера училась.

– Сократись.

Девушка отошла, и мир показался мне мрачнее.

– Тебя зовут Сергей Поливанов?

– Да, – тихо выдавил я и, удивившись своему сипу вместо ясного слова, кашлянул, чтобы прочистить горло.

Боль резанула грудь, плечо, руку. И я тут же вспомнил все: выстрелы, пожар, того парня из «копейки». Я закричал, хотя крик больше походил на стон.

– Я же предупредила, Андрей! – девушка подскочила к кровати. – Тихо, миленький, потерпите, сейчас сделаю укол трамала. Это хороший анальгетик, вам быстро станет легче.

Человек усмехнулся, вскользь глядя на меня. Кашлянув, словно в раздумье он поднялся.

– Ну ладно.

– Идите, Андрей, вы его волнуете.

– Не волнуйся сама, – небрежно откликнулся он и снова повернулся ко мне. – Хорошие новости не волнуют. Слышишь, парень, я тогда ребятешек по полям выловил, они нас увидели, и в разные стороны чесанули, поэтому тебя и не добились. Теперь им не до шуток. Поправляйся. А вот друга твоего я не спас. Они ему колом живот до спины пробили, все кишки на асфальте валялись.

– Андрей!

– Поправляйся, Серега. Пока.

Девушка, вздрагивая, торопливо натирала мне здоровую руку спиртом, держа наготове шприц.

И боль постепенно растворилась в безразличии. Я снова заснул.

А когда проснулся, за окном было утро. Я почему-то всегда знал, что лежу возле окна, так что и подниматься не надо, чтобы посмотреть на волю. За окном пели птицы. Солнце еще не заглядывало сквозь стекло, но низкие белые занавески заботливо отодвинули, и можно было видеть далекую полосу леса и синее небо. Может быть именно такая погода и называется бабьим летом. Мир, покой и тишина окружали маленький мирок, а на душе у меня оставался тревожный осадок: про такое обычно говорят – предчувствие.

– Доброе утро.

Я слегка повернул голову на голос, и губы помимо воли растянулись в глупой широкой улыбке. Девушка тоже улыбнулась мне.

– Как тебя зовут? – произнес я почти что своим обычным голосом, только может быть более тихим и хриплым – не мне судить.

– Настя. Помните, был старый фильм пор гардемаринов? Моя мама была его фанаткой, а папа вообще любил всякую старину. Они оба просто влюбились в Анастасию Ягужинскую.

Я подумал, что фильм не такой уж старый, чтобы говорить про него «когда-то». Его и сейчас показывают. И тут, хоть никогда не был фанатом, невольно засмеялся.

– Вы чего смеётесь?

– Просто меня зовут Сергеем.

– Да, я знаю... – тут только она поняла, что я имею в виду и тоже рассмеялась, краснея.

Я продолжал улыбаться во весь рот, пока не увидел её живот. Огромный, он выпирал из расстегнутого белого халатика, нависал, грозил порвать синее трикотажное платье. Улыбка невольно сползла с моего лица. Я не принадлежу к тем эстетам, которые считают, что беременность уродует женщину. Все это временное. И если там, в животе, начинает жить мальчишка, который назовет меня папой, я даже буду рад. Но в этот раз папой будут звать не меня. А жаль. Мать давно мечтает, чтобы ее непутевый сын женился, в надежде, что остепенюсь, хотя я такой же, как и все: ни хуже, ни лучше.

Девушка, заметив мой взгляд, тоже опустила глаза вниз и снова покраснела, правда, совсем немного. Но кольца на ее пальце не было. Хотя сейчас большинство людей живут вот так, в гражданском браке.

– Ты врач? – спросил я просто, потирая свою исколотую руку.

– Нет. Я только закончила на фельдшера. А практикую здесь, – то, как она сказала эту фразу, корябнуло меня. – Мне еще нет двадцати, когда бы я успела выучиться на врача. Но вы не волнуйтесь. Я хорошо ваши раны прочистила, обработала и наложила швы. Слава Богу, кости не задеты, а пули прошли навывлет. Процесс заживления идет хорошо.

Мне вообще-то двадцать пять, но я считал себя почти что ее отцом, может потому что у нее в характере – быть младшей. Есть такие люди.

– Девочку или мальчика заказывали? – спросил я, глядя на ее огромный живот.

– Что? – она вздрогнула.

– Ну, папа кого хочет? Сына?

– Не знаю.

Я замолчал, а она стала перебирать какие-то склянки в стеклянном шкафу.

– Где я? Платить за лечение, надеюсь, не придется?

– А. Нет, что вы. У нас коммуна.

– Что?

– Ну... коммуна. Живем все вместе... – она смешалась. – Едим из одного котла.

– Господи, где я? На заре советской власти?

Девушка смотрела на меня, не понимая.

– Не обращай внимания, я пошутил.

– Вам нельзя много говорить.

Я кивнул. От частого дыхания у меня разболелась грудь.

– У вас кровь выступила. Лежите тихо.

Грудь стало жечь словно в огне, но я полежал тихо, и боль постепенно стихла.

– Вы будете кушать? – необычно ласково спросила меня девушка, видно думая, что меня придется долго уговаривать.

Но я облизнул губы и ответил:

– Быка съем со всеми копытами.

– Вот и хорошо. А у меня уже и куриный суп готов. Вы только молчите, я сейчас принесу.

Она скоро явилась с дымящейся миской, в такой у нас дома мать варит картошку.

– Вот, чуточку только остынет и я покормлю вас. А пока давайте, я вам поменяю бинты, хорошо?

Удивительная она была сиделка.

Наверное, все-таки повезло – ни одна пуля не застряла в теле, и раны потихоньку затягивались. Бинты уже не пачкались, и я начинал ходить. Левая нога при каждом шаге нестерпимо болела, и я сильно волочил ее, но все равно передвигаться самому было приятно, хотя бы до туалета.

Туалет был недалеко, шагах в двадцати от маленького домика с одной палатой: стационар, госпиталь, не знаю, как они его называют.

К тому времени, как я стал ходить, все сильнее хотелось курить. Понемногу это желание стало навязчивой идеей. У меня пухли уши, снился дым сигарет, я мечтал хотя бы об окурках. Но их не было. Похоже, в этой коммуне буквально верили предупреждению Минздрава и берегли свое здоровье.

Моему же здоровью было плохо без сигарет. Как не упрасивал Настю, достать их, какие деньги только не предлагал заплатить после, но она отказывалась, говорила, что нельзя, что у них не курят, что, вообще, в радиусе десяти километров не найти ни одной сигареты, даже простой махорки и то нет. Я настаивал, Настя чуть не плакала, и я готов был прибить того придурка, кто завел в этой раздолбанной коммуне такие правила.

В тот раз, когда приехали киношники, я страдал и смотрел в окно. Японская «Тойота» лихо развернулась на поляне, напротив.

Позади послышались шаги. Я обернулся. Настя, озабоченная, с сосредоточенным лицом, вошла в дверь и поставила возле койки большой детский горшок.

– Вот. Это вам.

Я хотел было ответить, что уже вырос из того счастливого возраста, но Настя быстро вышла и закрыла за собой дверь. Щелкнул замок – меня заперли. Что ж, хозяин-барин, клаустрофобией не страдаю, – подумал тогда я, но все равно стало не по себе. Я понял, что от меня что-то скрывают, или меня – от кого-то.

Киношники доставали из «Тойоты» аппаратуру: камеру, записывающее устройство. Девушка в черном брючном костюме взялась за микрофон.

Главное, что приковало к окну – сигареты. Все эти операторы и журналисты курили. Они спешили, бросали едва начатые сигареты, зажигали новые и снова бросали их.

Я потянулся к форточке и открыл ее, надеясь хоть подышать дымом, выдыхаемым другими.

Они встали посреди поляны: киношники и коммунары. Андрей что-то говорил им, оживленно жестикулируя, потом все медленно повернулись и направились к моему домику. Рядом стояли еще дома, маленькие, деревянные, аккуратные, но я молился, чтобы они подошли к этому окну. Очень уж хотелось курить, и я надеялся стрельнуть у них сигаретку – другую.

Вся компания подходила к окну. Я уже дергал створку, стараясь отпереть, когда один из коммунаров, здоровенный мужик с красной рожей и рыжими усами, быстро приблизился к окну и, мельком взглянув на меня, злым жестом щелкнул по стеклу. Я тут же отпрянул и прекратил свои попытки. Нарываться на неприятности не хотелось, а поиски причины решил отложить на потом.

Андрей тем временем распинался вовсю.

– После первого же урожая мы поняли, что можем в зиму прокормить еще десять человек... И мы решили принять тех, кто нуждается в крове и пище.

– Вы говорите о бомжах? – девушка в костюме вся так и подалась к нему.

– Можете называть их так. Мы их называем нуждающимися. И мы приняли в общину еще десять человек.

– Первых попавшихся? Или по особому выбору?

– Первых, кого встретили. Тогда нас стало 46 человек.

– И как вы перезимовали?

– Помните, в деяниях апостолов: «...были вместе и имели все общее... делились всем по нужде каждого».

– Вольная цитата. Там еще было: «Продали имущества свои...».

– Вот этого у нас не было. Одна машина, микроавтобус. Два центнера картошки и мука.

– Пять тысяч человек пятью хлебами.

– Не было среди них нуждающихся, ибо...

– Имения продавались, и цена слагалась к ногам апостолов...

Я, не замеченный, стоял за спиной краснорожего коммунара и от нечего делать, следил за Андреем. Тот мило улыбался кинокамере.

– Благоволение было между ними, ибо никто не терпел нужды, и никто не оставался бедным. Иоанн Златоуст, 11 гомилия.

– И у него то же самое: имущество сложили к ногам апостолов. А кто апостол у вас? Вы?

– Нам нечего было складывать, мы лишь вместе работали. Но если вы хотите знать, есть ли у нас власть, отвечу: есть комитет, общая касса.

– Апостолы и семь членов комитета.

– Вам непременно хочется назвать нас проповедниками.

– Вы сами сравниваете себя с первохристианами.

– Мы не религиозная организация. Мы только замкнутая самообеспечивающаяся община людей, не сумевших найти свое место в современном мире. К тому же: первые последователи Христа жили в больших городах проповедями и подаяниями, деля между собой приношения вновь принятых. В этом мы ближе к ессеям.

– Не гоже лилиям прясть.

– Вот именно. «Посмотрите так же на воронов: они не сеют, не жнут, нет у них ни хранилищ, ни житниц, и Бог питает их». А мы и прядем, и ткем, и обрабатываем землю. Вы же видели, подъезжая сюда, стадо коров и овец. А теперь обратите внимание на мой свитер. Так прядут и вяжут наши женщины.

– А семьи? Первохристиане отрицали семью. Помните, у Луки: если кто приходит ко мне и не возненавидит отца и матери, и жены, и детей, и самой жизни своей, не будет учеником мне.

– Это опять чисто религиозный прием. Думаю, и жена и дети, следовавшие за первохристианами, были желанны.

– А целибат и безбрачное и беспорядочное сожительство?

– Вы не высокого о нас мнения. Конечно же мы все современные люди и лояльные граждане. У нас есть паспорта и ставится туда печать о браке. Кстати, совсем недавно мы подали в мэрию прошение об ускоренной выдаче паспортов нескольким членам нашей общины. Люди вынуждены были стать теми, кого вы называете бомжами... Они при разных обстоятельствах теряли паспорта: у кого их украли, кто выходец из горячих точек бывшего совкового пространства. Знаете, мы все были гражданами одной страны и после развала многие из нас в прямом смысле оказались за бортом. Инженеры, врачи, студенты стали бездомными бродягами, и не пора ли власть имущим вспомнить слово – милосердие. Нельзя же всей страной играть в игру: «слабое звено». На ней только собаколовов воспитывать можно, а не молодых граждан. Вот вы интересовались, кто в нашей общине играет роль апостолов. Теперь вот смотрите. Я врач-психолог: у нас в коммуне не только избавляются от тяги к наркотикам и лечатся от алкоголизма, люди даже бросают курить. Есть у нас ветеринар – наш скот здоров, надои хорошие. А агроном и тракторист сеют и пашут, и мы на зиму обеспечены хлебом и овощами. Бухгалтер и экономист следят за нашим внутренним бюджетом. У каждого свое дело.

Я сел на койку, продолжая смотреть в окно.

Андрей рукой показывал на строения, на окрестности. Потом в разговор вступила женщина из коммуны. Но они уже удалились, и я их не слышал. Стоял и с тоской смотрел на выбрасываемые приезжими окурки, на разрываемые обертки новых пачек. И я чувствовал дым. Ветер тянул его в форточку, и я вдыхал и выдыхал, чувствуя себя грешником Танталом в загробном мире.

– Вы говорили, как теолог, – услышал я голос девушки репортера.

– Я любитель. Нахватался всего понемногу. Поверхностный эрудит, если можно так сказать, – отвечал Андрей. – Вы тоже были на высоте.

– Я перед интервью консультировалась со знакомым служителем церкви. Я знала, что вы все равно коснетесь Евангелия и Деяния Апостолов.

– Коммуна уходит корнями гораздо глубже.
– Хватит, хватит. Аппаратура отключена. Давайте просто разговаривать. Мне у вас нравится.

– Спасибо.

– Вы не будите возражать, если краткий репортаж о вас мы поместим в вечерних новостях, а полностью покажем в субботу вечером.

– В одноименной передаче?

– Я о ней и говорю.

– Вы профессионал.

– Теперь моя очередь благодарить за комплимент.

– Не за что. Еще вы очень красивая девушка.

– Извините. Телефон.

Раздались щелчки и слабые звуки мобильного, тихий голос:

– Да, слушаю. Ты где?

Голоса удалялись. И сигаретный дым тоже. Я уперся в подоконник. Киношники уезжали. Они грузили в машину свою аппаратуру, потом попрыгали туда сами, задвинули дверцу, и «Тойота» умчалась, а с ней и все никотиновые надежды.

Я бессильно упал ничком на кровать и постарался думать о чем-нибудь другом, но все мысли выплывали из сигаретного дыма. Дым витал по комнате, словно в бреду, и из него вырисовывались пачки сигарет, сигареты, окурки. Я тихо лежал в постели и терпел, пока мог. Но воля всегда была моим слабым местом. Не выдержав и встав, я стремительно бросился к двери, решив хоть выломать ее, а вырваться, ударился в нее и дверь, уже отпертая, подалась так легко, что я пошатнулся, удерживаясь на ногах. И тут увидел Настю. Она лежала на боку на узкой кушетке в прихожей, подложив под щеку руку. Ноги и поясницу прикрывала фуфайка.

Она приподнялась на локте, но я, как мог быстро, прошёл мимо, волоча больную ногу, в твердой уверенности, что стоит закурить, и я поправлюсь.

Пару больших окурков я подобрал сразу под моим окном. Но аппетит разгорелся. Весь подаваясь вперёд и волоча ногу, я добрался до того места, где стояла «Тойота». Удача. Сразу несколько бычков, одна едва прикуренная сигарета и смятая пачка «Кэмела», куда я тут же сложил свою добычу. На моё счастье земля была сухая и ни обёрточная бумага, ни табак не отсырели.

Коммунары, наверное, смотрели в окно и скалили зубы, но мне было все параллельно. Нечего устраивать у себя антиникотиновое общество. Я же в конце концов не просил их наливать по маленькой. Имеет право человек на крохотный недостаток?

От частых наклонов потемнело в глазах и я, едва не теряя сознание, дополз до своей кровати, упал на нее лицом вниз и лежал, тяжело дыша, словно загнанный.

Настя, уже поднявшись, молча стояла у кровати. Когда биение крови в ушах стало утихать, и мир прояснился, я услышал ее легкое дыхание. И вздохи. Она, наверное, жалела меня. Пусть. Я и сам себя жалел.

Слабость и головокружение отбили всякую охоту курить. Я спокойно лежал на животе и смотрел в одну точку на плинтусе.

Настя ушла, я слышал ее отяжелевшие шаги. Я перевернулся на спину и глядел в потолок, пока не заснул. А проснулся уже ночью. Луна светила прямо в окно. В приоткрытую форточку дуло холодом и дышалось легко. Я огляделся, слегка приподнявшись на локте. Рядом, на тумбочке на расстеленной газете лежали три яйца, солонка и кусок ржаного хлеба. От вида еды забурлило в желудке, уже забывшим о куриной лапше. Улыбнувшись, я сел в постели и взялся за яйцо. Еще рядом, на столе, лежал коробок со спичками. Настя позаботилась. Теплая волна разлилась в груди. Милая. Я улыбался, доставая ощупью бычок, зажигая спичку и прикуривая. Но после первой же жадной затяжки стало не до улыбки. Я давно не курил, был слаб и

голоден и табачный дым подействовал ужасно. Голова закружилась, накатила тошнота, дым раздирал горло, и я надсадно закашлялся. Меня бы, наверное, вырвало, если бы было чем. Я упал на подушку, кусая ее и пытаюсь сдержаться, но ничего не получалось. Только спустя какое-то время кашель успокоился, но тут разболелась раненая грудь, и я показался себе инвалидом. Испуганно я посмотрел на дверь. Но Настя или не услышала, или просто проявила такт, помогая сохранить мужское достоинство. Я лежал, глубоко дыша и со страхом прислушивался, опасаясь за запас бычков. Еда на столе ждала, и следовало ее съесть, но после приступа даже не хотелось об этом думать.

Я нехотя сел и взял яйцо в кулак. Холодное. Самое последнее дело есть холодные яйца, хотя когда-то они мне казались даже вкусными. Медленно я стал стучать яйцо об стол, чтобы разбить и так же медленно начал чистить его.

Я съел все яйца и хлеб. Подобрал со стола все крошки. В задумчивости повозил по столу скорлупу и только тогда потянулся за бычком. Неуверенно чиркнул спичкой и осторожно затащил. Желудок успел сжаться за время болезни, но я насытился и табачный дым больше не раздражал. Довольный этим, я блаженно растянулся на кровати. Жизнь улыбалась, и радовала: вот что могут сделать три яйца и сигаретный окурочок. Я даже не думал, что тот, кто держал его во рту, мог быть больным – по большому счету было фиолетово на это. Курить на сытый желудок было легко и приятно, и я блаженствовал, смежив тяжелые веки, пока не услышал шум мотора. В мертвой тишине осенней ночи этот шум встряхнул легкий холодный воздух. Он стал громким и навязчивым. Я сел в кровати и увидел яркий луч фары, проскользивший по стеклу и тут же погасший. Занавеска на окне с вечера оставалась отдернутой. За окном было достаточно светло, чтобы увидеть две «Нивы», подъехавшие со стороны просеки.

Я сменил позу, навалившись на подоконник. Машины продолжали двигаться с уже выключенными фарами, и это настораживало.

Вот «Нивы», одна за другой, выехали на поляну и остановились у крыльца соседнего дома. Из окна мне было видно и крыльцо, и обе машины, вставшие бок о бок в каких-то 20 шагах от меня. Я уткнулся лбом в холодное стекло, стараясь разглядеть, что там происходит. Машины затеняли слабый свет луны и казались одним пятном, но вот послышался шум открывающихся дверей и над крышами внедорожников вырисовались головы приезжих. Они склонились, поднимались, сливались в один силуэт, пока что-то там глухо не шлепнулось о землю.

– Е-мое, – услышал я приглушенный голос.

– ...Осторожно...

Включился фонарь и луч его скользнул на землю, нащупывая что-то. Это что-то я сначала принял за кочку. Но луч осветил ее. Денежный мешок!

Я, как и всякий современный россиянин, конечно же знал, что это такое. Инкассаторский денежный мешок в банковской упаковке. Человек в черной униформе склонился над ним, быстро осмотрел, выпрямился, крепко держа его в руках, и фонарь отключили. На голове человека была матерчатая маска с поднятым верхом, как у ОМОНа.

Вот это коммунa.

Я быстро лег на спину и затушил окурочок, догоревший до фильтра. Это получилось само собой. И вовремя. К окну подошел человек. Я слышал его шаги. Человек заглянул в окно. Он смотрел на меня, и я чувствовал это даже сквозь закрытые веки. Не удовлетворившись осмотром, человек зажег фонарь, и луч скользнул к моему лицу. Но тут приблизились еще шаги.

– Дурак, разбудишь, – услышал я голос за окном.

– А если он не спал?

– Пошли. Пусть Красноглазый сам разбирается.

– Лады.

Они уже удалялись, когда я услышал:

– Фу, а накурил, как паровоз.

– Не зря значит весь лагерь на брюхе исползал, дымок вшивый.

Логично было бы теперь предположить, что я курил только что. Я замер, почти не дыша. Но они уходили, шаги их удалялись безвозвратно. Я вздохнул облегченно. Что ж, этих парней в черной униформе нельзя конечно назвать лохами, и все же они ушли, а я чувствовал себя если не сильнее их, то хотя бы умней.

Понятное дело, я почти не спал всю эту ночь. Мало того, что мучили кошмары, видение денежного мешка преследовало меня.

Вот это коммуна. Я почти восхищался ими. Идеальные ограбления, великолепная крыша. Эти парни уже отхватили свой лакомый кусок от российского жирного пирога. Ах, если бы и мне перепала хоть пара крошек.

«Нива» по автостраде берет разгон до ста тридцати километров в час, только зачем так стараться. Расход топлива резко возрастет и износ деталей тоже. Это же не иномарка, а отечественный автопром. Тем более на ночном шоссе не стоит разгоняться больше чем на сто десять километров в час. Но и этого больше, чем достаточно. Значит, ограбления могли происходить не только в другом районе, но даже в другой области и полная гарантия, что ни у одного мента не хватит мозгов искать грабителей здесь, среди этих апостолов в черных одеждах.

У меня даже перехватило дыхание от их наглости. Как бы хотелось войти к ним в долю. Единственное, чего я не хотел, это самому грабить. Потому что в мозгу с детства укоренилась аксиома: сколько вор не ворует... А в тюрьму не хотелось, и не хотелось убивать и насиловать. Так уж меня воспитала родная мать. Хотя, если вдуматься, сейчас воруют все. Если не хочешь, чтобы тебя обворовывали, грабь сам. Не грабят только недоумки, слабаки и калеки.

Меня тоже грабили. Грабили, когда я возил товар, грабили, когда покупал его и когда сдавал, тоже грабили. И не всегда насильно. Часто это было вполне законно и красиво. Так почему же я сейчас не могу взять у этих парней пару их чудесных полновесных денежных мешков. Господи, я могу это сделать, и моя совесть, и биография останутся чистыми. Экспроприация экспроприаторов – кажется когда-то этот лозунг считался государственным кредо, хотя в те годы имелись в виду не коммунары.

Я даже не надеялся, что эти апостолы дадут себя обокрасть, не моргнув глазом. На это им не хватит выдержки. Но я уж нырнул бы поглубже, забился бы в норку в бескрайних просторах матушки России, когда-то я не мало по ней поколесил за удачей.

И во сне я куда-то крался, от кого-то убежал и метался, как в бреду. Моя сиделка, в конце концов, разбудила меня, испугавшись крика.

Я поднялся с постели и прошелся по комнате. Нога еще болела, но времени зализывать раны уже не было.

Настя принесла завтрак: мисочку дымящейся овсянки, хлеб, яйцо и молочный кисель в большой кружке. Тут кормили, как в санатории: белки, калории и необходимые витамины.

Но ее забота уже не умиляла. Я не отводил глаз от окна, даже уколоть себя дал без обычного заигрывания.

Бедная Настя уже не знала, что и думать. Она действительно была хорошим фельдшером, сто раз подходила ко мне, щупала лоб. Я же сидел, курил и не сводил глаз с поляны у дома.

– Хотите, выйдете погуляйте, – наконец предложила она, думая, что меня тоска по свежему воздуху заела. – Вот ватник, я его постирала и заштопала.

Я удивленно глянул на нее, потом встал и, взяв со спинки кровати бушлат, пошел к двери.

Впервые я внимательно рассматривал то место, где оказался. Деревянные дома стояли вперемежку, безо всякого плана. Я насчитал их семь. Большие и маленькие, они хаотически заполняли поляну, словно раскиданные детские кубики и некоторые из них казались совсем новыми. Видно раньше здесь, на этой земле уже что-то размещалось: не знаю, хутор, пасека, а эти ребятишки только слегка расширились.

Меня же тянуло в одно место и тянуло, как магнитом. Это место находилось слева от меня: самый большой дом в коммуне с надписью: «Людам простое человеческое счастье». Мысль конечно не новая, но хорошая. Я, волоча ногу, направился туда, дотащился до крашеного крыльца в три ступеньки и свалился на предпоследнюю, прислонившись спиной к следующей. Все это было натурально: больной человек греется на осеннем солнышке, сидит на крыльце. А я просто млел от близости того денежного мешка. И настороженно прислушивался. Окно возле самого крыльца было открыто, и оттуда слышались мужские голоса.

– Апостолы, – начал разбирать я. Далось им это слово.

Мне, между прочим, тоже, так что зря они там обиделись.

– Для апостолов нас маловато, – услышал я знакомый голос. Андрей говорил как-то особенно, с легким нажимом. Его легко было слушать.

– Как это? Нас все же 11.

– А апостолов было 12.

– Было да не было. Что это, взвод ОМОНа, что ли.

Несколько голосов хихикнуло, а первый голос продолжал:

– Целибат нашел себе...

– Целибат! – возмутился голос Андрея, – Целибат! Всю российскую журналистику интересуется только наш целибат.

– Это точно.

– А что это такое?

На этот раз никто не рассмеялся. Голос придурка поперхнулся, а я прямо почувствовал, что там, внутри, все напряглись.

– Безбрачие. – бесстрастно проговорил Андрей. – Безбрачие ессеев и первых христиан.

– А. Ругань значит, нехорошее слово. Вот падлы газетные.

– Тихо. Рембо. Успокойся.

Ну и имена у них. Крутые.

– Успокойся. Лежать.

Я обернулся, слыша за спиной мелкую дробь. Скрипнула дверь. Боже. На пороге стоял бурый волк ростом с хорошую овчарку и тихо урчал, обнажив клыки. Глаза его, глубокие, звериные, смотрели на меня и меня бросило в дрожь от этого взгляда.

– Рембо!

Андрей вышел, широко распахнув дверь и остановился рядом с волком.

– Это ты? Что ты делаешь?

Я поднимался и никак не мог подняться, потому что руки и ноги тряслись от страха. Наконец встал и кое-как утвердился, прислонившись спиной к столбу.

– Почему ты тут сидишь?

– А что, запрещено? – спросил я, стараясь казаться независимым, и выглядело это очень глупо.

– Очухался?

– Да вроде.

– Тогда входи. Рембо – место.

Так вот кто у них Рембо. Волк поднял морду выше, заскулил, опустил голову и, развернувшись, по-собачьи неохотно затрусил в дом.

Андрей посторонился, и я с еще большей неохотой, чем старина Рембо, потащился по ступенькам лестницы. Ногу я прямо-таки волочил, как бревно, даже больше, чем было нужно и увидел в глазах апостола Андрея сочувствие.

– Двенадцатый апостол, – приветствовал меня краснорожий мужик, которого я видел из окна.

– О-о-о, – вторили ему его подпевалы.

Я остановился чуть не в дверях, разглядывая их, и Андрей подтолкнул меня сзади.

– Хорошее число. Проходи и садись.

Мне ужасно не хотелось привлечь к себе ничье внимание, но что поделаешь. Буркнув: «Здрасьте», я проковылял к ближайшему стулу.

– Так вот, братья, нас теперь 12. Андрей первозванный, – он ткнул себя в грудь. – Симон-Петр, – краснорожий привстал и поклонился. – Филипп, Иоанн...

Черноусый, похожий на кавказца, глупо хохотнул.

– Фома.

– Неверующий что ли?

– Ха-ха-ха.

– Иаков...

– Кто-кто?

– Варфоломей...

– Е-мое.

– Матфей

– Я что ли?

– Иаков Алфеев и Симон Зелот. Иуда Иаковлев и...

– Иуда Искариот.

Я слышал уже от бабушки эту легенду, и меня кинуло в жар.

Все вокруг захохотали. А я почувствовал себя как на раскалённой сковородке.

– Обед.

В открытую дверь вошла женщина в платке, завязанным сзади.

– Идемте в столовую, Андрей Григорьевич.

– Спасибо. Идемте, братья, после обеда займемся нашей работой.

Волк лежал у порога, и все проходили мимо него. Он смежил глаза и ухом не шевелил, когда мужики чуть не наступали на его лапы. Но когда проходил я, он глухо заворчал.

Я застыл на месте.

– Эй, ты что? – Андрей остановился и обернулся.

– Ну... это ...самое... он...

– Рембо? Он не кусается.

– Правда? А зачем тогда ему зубы?

– Затем же, зачем тебе язык.

Я по-прежнему не двигался, считая, что с меня хватит уже и старых ран, зачем же искать новые.

– Боишься?

– Он же волк.

– Правильно. Идем, Рембо, пошел вперед. Кушать.

Волк легко поднялся и затрусил через открытую дверь на волю.

– Значит ты трус. Это неплохо. Иди.

Я опустил голову и пошел, как и его волк, чуть ли не трусцой.

Дом, куда мы все зашли, был узкий и длинный и состоял только из столовой и кухни одновременно. Посередине стоял длинный стол, человек на 30. Люди сидели за ним так плотно, что я едва втиснулся и то благодаря Насте, которая подозвала меня и усадила на длинную скамью рядом с ней. Справа от меня сидел худой бородач литературно-искусственного вида: судя по его мечтательному взгляду, он был поэтом, а краска на его лице, руках и спортивной куртке выдавала в нем художника. Дальше за столом сидели мужчины и женщины всех возрастов, подростки и даже дети. Мужики выглядели достаточно спортивно, правда сидели среди них, и бледные интеллектуалы и просто больные. Женщины были разного вида и возраста, но общим у них было то, что они все не пользовались косметикой и это смотрелось непривычно в наше

время, когда даже первоклашки малюются, словно проститутки у бара. Дети, зато, были все похожие: сбитые, розовощекие, прямо живая реклама йогурта или еще какой-нибудь фруктово-молочной дряни.

Молодые женщины и бледный длинноволосый юнец разносили тарелки, ложки, а сзади румяный сбитый парень в поварском колпаке толкал перед собой тележку с огромной общепитовой кастрюлей.

Как оттуда пахло кислыми щами. О! Так вкусно умели готовить только у нас в школе, хоть и без мяса, а вкусотища, пальчики оближешь. Сразу застучали ложки о тарелки, забулькало.

– Ммм.

– Вкусно.

И тут закукарекали петухи, штук пять, не меньше: громко, на разные голоса.

– Ну прямо часы, куранты.

Люди принялись за еду, причмокивали, облизывались. Я один чувствовал себя не уютно. Все, даже и за едой, не уставали меня разглядывать.

– Кушайте, Антон у нас вкусно готовит, – говорила Настя.

Видно незнакомцы не баловали это общество, и все смотрели на мою скромную персону так, что кусок застревал в горле. Я кисло улыбнулся. Несколько кусков мяса плавало в жирных щах, и я решил начать с них.

– Ну, вкусно?

– Ага.

– Антоша – повар от бога, – заметил мой богемный сосед. – Меня, между прочим, зовут Иннокентий. Хоть я и не Смоктуновский, – поэт-художник вытер руку о штанину и протянул мне через стол. Кисть его была худой, с длинными, узловатыми пальцами.

– Сергей, – ответил я, привставая и отвечая на рукопожатие.

– Очень рад познакомиться. Правда, чрезвычайно рад.

Странно они тут выражались. Ко мне обращались через стол, просили соль, горчицу, делились замечаниями о погоде. Они и стол накрыли необыкновенно: в хлебницах с выжженными рисунками в стиле русской старины, лежали камни, корни, сучки и живые цветы, а также всякие сухие травы и колосья: все это сейчас называется икебаной. Стены украшали чеканные на меди картины, картины маслом, акварелью на картоне, на холсте, на обработанных дощечках, картины из соломы, выжженные картины. То там, то тут стояли статуэтки из гипса, вырезанные из полена фигурки: ну, в общем, выставка-распродажа народных умельцев, полудеревня, полу-Бродвей. В кадках росли лимоны, китайские розы, финиковые пальмы и еще что-то зеленое, и тропическое.

Я сидел, ел и немножко косил в сторону, где на скамье расположились Андрей и его черные апостолы. Правда, сейчас они были не черные, а джинсово-синие и серые. Рыжий мужик, которого и вправду звали Петром, поймал один из моих взглядов, и, хотя я сейчас же потупился, сам стал разглядывать меня, а потом, ухмыляясь, зашептал что-то на ухо Андрею.

Разносили кашу, и чтобы показать обществу, что камень за пазухой не держу, я стал разговаривать с Настей.

– А вы что тут из одной деревни? – ляпнул я, чтобы хоть что-то сказать.

– Почему вы так думаете? – слегка засмеявшись, удивилась она.

– Ну, это, не знаю. Вас же тут много.

– Это еще не все. Тех, кого не посвятили, проходят очищение.

– Чистят картошку? Как в армии?

– Нет, – вмешался поэт-художник. – У нас тут любой труд – радость. Они сейчас на полях, наедине с собой.

– Собирают картошку, – закончила молодая женщина, сидевшая напротив, серая и бесцветная.

– Труд приятен. Смысл в изоляции.

Ого, как бы они и меня не изолировали на полевые работы.

– Только трудясь и созерцая, человек познает себя, а через себя самого, как через призму, высшее начало всего сущего. Это вечный мотив смысла жизни и бытия, и таинства природы.

– Идемте, – шепнула мне Настя, потому что кашу мы уже доели. – Сладкое я принесу туда. А то он заговорит вас до смерти.

Я согласился.

– Только вдали от шума и чужого влияния можно осознать...

Я быстро вылез из-за стола, перешагнул через скамью и, легонько подталкиваемый Настей, пошел к выходу. Сквозь звон посуды и человеческий гул я уловил глухое ворчание и обернулся. Рембо, грызший кость у ног Андрея, поднял голову и ощерился, вздыбливая шерсть.

– Рембо!

Шерсть тут же опала, уши опустились, и волк согнулся к своей кости.

– Почему-то Рембо невлюбил вас, – сказала Настя, когда мы шли через поляну.

– Да, друзьями нас не назовешь.

– Ничего, привыкнет. Это я нашла его в лесу, представляете.

– И не побоялись?

– Что вы, он же тогда был маленький.

– Ну, ты бы и взрослого медведя мигом приручила.

– Почему?

– Ты милая.

Настя снова засмеялась, но уже от смущения.

– Это комплимент?

– Вроде.

Мы вошли в мою палату.

– Подождите, я сейчас.

Она взяла алюминиевую чашку из тумбочки и банку из шкафа и быстро пошла обратно, а я, как был, в фуфайке, сел на свою постель и закурил.

Настя, страшно запыхавшись, вбежала в комнату. Чашка ее была полна пирожков, а банка – компота.

– Садитесь, пока все теплое. Слоеное тесто быстрого приготовления. Вкуснятина.

– Ваш повар – блеск.

– Это точно. Ну вы и накурили.

Курил я не долго, но она была беременная – в этом все дело. Я быстренько потушил окурок и открыл форточку.

– Извини.

– Ничего. Я же сама дала спички.

– Сейчас все выйдет. Может окно отпереть.

– Не надо. Будет сквозняк. Я не плотно закрыла дверь.

– Я не хотел.

– Ничего, уже лучше. Я не привыкла к сигаретному дыму, а вам без него плохо, я понимаю.

– Могу и потерпеть. А можно тебя попросить?

– О чем?

– Говори мне «ты». А то непривычно.

– ...Ладно. «Ты», – Настя засмеялась. – Я привыкну... Вы... ты спрашивал про коммуны. Я живая ее летопись или свидетель – как больше нравится?

– Ну, свидетель – уж слишком. Рассказывай.

– Мой папа был геолог и попал в завал в шурфе. Стал инвалидом. А мама ушла от нас. Папа нашел себе работу сторожем, познакомился еще с такими же людьми, как он.

– Инвалидами?

– Нет. Просто с теми, кто потерял или не мог найти работу по душе. Например, с поэтом, которого не печатали, с художником, картины которого не покупали.

– А Андрей?

– Он врач-нарколог. Он помог мне поступить в медицинский колледж. У него был смертный случай в больнице из-за передозировки. Его отстранили, и он запил. Потом познакомился с папой, и они решили организовать коммуну. То есть коммуна здесь уже была в конце восьмидесятых, но потом распалась. Когда мы приехали сюда, дома в основном пустовали, тут только жили трое стариков. Вы их видели за столом. Они бывшие артисты, пили, играть уже не могли, а здесь занимались заготовкой ягод и грибов, сдавали, получали деньги, запасались продуктами. А мы, когда появились, стали сажать овощи, даже пшеницу и овес, завели кур, коров. Я вот закончила колледж.

– А отец?

– Папа умер. Сердце. После аварии он принял много обезболивающего, а это разрушает сердце. Я тогда сдавала сессию. Приехала домой и увидела могилу.

– Давно?

– Два года назад.

Я дотронулся до ее вздрагнувшей руки.

– Так мы и живем.

– А новички?

– По-разному. К нам же попадают и алкоголики, и наркоманы. Андрей бог в этой области. Совсем опустившихся он держит в изоляции, пока они не выздоровеют.

– А. Я, лично, не наркоман и выпиваю только по праздникам.

– Ну и хорошо. Вы хотите остаться?

– Не знаю. А могут не принять?

– Теперь я не знаю. Все решает Андрей.

– Апостол?

– Эти журналисты просто трепачи.

– А тот рыжий?

– А. Петр Васильев. Он комбайнер. Жена бросила его, он спился. Случайно нашел нас и остался. Про кого еще рассказать?

Я пожал плечами.

– Не знаю. Там есть еще два Якова, Иван и Варфоломей.

– Кто это? У нас есть только Иван Бережков, Ванечка, ему 7 лет. А остальных я не знаю.

– Я тоже.

– Вы шутите?

– Наверное. А какие у вас есть машины?

– Только старый микроавтобус «Рафик». Мы на нем привозим продукты и возим на продажу излишки картошки. А почему вы спросили про машины?

– Опять «вы»?

– Простите.

Настя смешалась и рассмеялась.

– Ого, молодежь, у вас весело.

Мы подняли головы. Андрей стоял на пороге и прикрывал за собой дверь.

– Вот что, Серега, пойдем со мной, потолкуем за жизнь.

Я с готовностью поднялся. Настя – тоже.

– А у тебя, Настенька, как дела? Как ходишь?

– Хорошо.

– Вот и хорошо. Ты береги себя, скоро наше пополнение рожать будешь. Идем, Серега, тебе повезло с доктором.

Я вышел за Андреем из комнаты. Мы не стали никуда заходить, а сели на завалинку соседнего дома.

– Ты, парень, не курил бы, и так у тебя легкое задето. В первые дни ты кровью кашлял.

Я с готовностью кивал.

Андрей не спешил продолжать. Я тоже молчал. Наконец он кашлянул в раздумье.

– Ты, вообще, как на жизнь смотришь? У нас останешься?

– Я вам много должен?

– Ты о чем?

– Ну, плата за лечение. За место. Еда там...

– Ты что, парень. У нас же коммуна.

– Да как-то непривычно. Не то время.

– Неважно. Мы здесь живем по другим законам, – Андрей встал. – Ты подумай. Если останешься, рады будем принять тебя жильцом нашей общины.

– Я думал, у вас – братья.

– Какие братья? – он обернулся.

– Как в монастыре.

– В сущности: все люди братья, а мы жильцы нашего общего дома. Да, кстати, ты женат?

– Да нет. Живу с матерью.

– Позвонить ей не хочешь?

– Не к спеху.

– А где твой телефон? Когда мы тебя нашли, при тебе его не было.

– Я потерял его дня за два. По пьяни.

– Ладно. Отдыхай, поправляйся. Все это наживное, главное – ты живой.

– Точно.

Он ушел, а я остался сидеть на завалинке и размышлять о жизни, как сказал бы Андрей. И тут я увидел Светку Головину. Она в том же свитере, что и на фотографии и голубых джинсах, шла прямо ко мне со стороны леса. Шла упруго, той слегка дерганной походкой, как модно теперь у молодых. Кроссовки ее были в грязи, а в руках она несла небольшое пластмассовое ведро. Позади нее раздались голоса и еще трое молодых людей появились из леса: два парня и девушка, все с такими же ведрами.

– Светка, – закричал я, вставая. И тут запели петухи. Сразу в несколько голосов и орали они наперебой, так что совсем заглушили меня. – Светка!

Наконец она услышала и замерла от неожиданности.

– Иди сюда.

Она неуверенно оглянулась на своих. Потом повернула ко мне и пошла быстрее.

– Здравствуйте, – сказала она, удивленно рассматривая меня. – Откуда вы меня знаете?

Ну вот. Именно из-за этой пигалицы попал в такую передрагу, а она спрашивает, откуда я ее знаю.

Девушка сначала взяла ведро двумя руками, потом поставила между ног. Оно было полно каких-то сучков, камней и листьев.

– Я же Сергей Поливанов, ты не помнишь меня?

– Нет. Мы познакомились в баре?

Вот она, современная молодежь. Знакомится только в барах.

– Я служил с твоим братом.

– Ой!

Она уже жалела, что подошла ко мне и думала, как удрать.

– Сядь, – велел я, и она повиновалась, правда, с большой неохотой. – Там тебя Сашка ищет, твой брат. Что ты тут делаешь?

– Живу.

– Конкретный ответ. А дом, родня уже побоку?

Она молчала, опустив голову.

– Ну вот что, детка, собирай шмотки и сегодня же топай до дому.

– Нет!

Светка стала нервно оглядываться, ища поддержки.

– Не пойду!

Я смотрел на нее, подняв голову, и думал. Потом я стал вставать. Светка шарахнулась от меня, словно я уже схватил ее, и врезалась в черного апостола с раскосыми глазами. Тот тут же обнял ее и, обернувшись, девушка крикнула:

– Он хочет меня отправить домой.

С этими словами она вырвалась и убежала, забыв ведро.

– Этот? Не волнуйся, киска, – крикнул ей вслед раскосый и, проведя большим пальцем по своим черным усам, повернулся ко мне. – Это ты, что ли? Шустришь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.